

Л. Ю. С Л Е З К И Н

СОГЛАШЕНИЕ НА «МЭЙФЛАУЭРЕ»

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Утром 11(21) ноября 1620 г. корабль «Мэйфлауэр» («Майский цветок»), обогнув мыс Код, бросил якорь у американского берега. Пассажиры бурно радовались завершению долгого и трудного путешествия. Религиозные гонения сорвали их с родных мест, заставили бежать из Англии. Они нашли приют в Голландии — вначале в Амстердаме, а потом в Лейдене. Только через 12 лет вернулись на родину, чтобы сразу отправиться в Америку. И вот перед ними лежала незнакомая заморская страна. Не без основания они называли себя пилигримами, войдя под этим именем в историю. Однако прославили их не странствия, не преданность избранной вере, даже не основанная ими колония Новый Плимут, а соглашение, заключенное ими перед тем как они покинули корабль, — «Соглашение на «Мэйфлауэре». Вот его текст:

«Именем Господа, аминь.

Мы, нижеподписавшиеся, верноподданные нашего могущественного суверенного государя Якова, божьей милостью короля Великобритании, Франции и Ирландии, защитника веры и прочее, предприняв во славу божью — для распространения христианской веры и славы нашего короля и отечества — путешествие с целью основать колонию в северной части Виргинии, настоящим торжественно и взаимно перед лицом бога объединяемся в гражданский политический организм для поддержания среди нас лучшего порядка и безопасности, а также для достижения вышеуказанных целей, а в силу этого мы будем создавать и формировать такие справедливые и одинаковые для всех законы, ординасы, акты, установления и учреждения, которые в то или иное время будут считаться наиболее подходящими и соответствующими всеобщему благу колонии и которым мы обещаем следовать и подчиняться. В свидетельство чего мы ставим наши имена, мыс Код, 11 ноября... Anno Domini 1620»¹.

Приведенный документ уже давно вызывает самую противоречивую оценку. Вернее, всеми исследователями он признан предусмотрительной договоренностью людей, прибывших в далекую страну, совсем недавно вошедшую во владения английской короны, и оказавшихся без официальных руководителей, а потому вынужденных организовать управление для создаваемой ими колонии. Еще в XVIII в. автор «Истории Америки» Уильям Робертсон писал, что Соглашение и созданные на его основе общественные институты «опирались на обычные принципы человеческого благоразумия»². Что это за принципы? Почему проявили благоразумие, которым не могли похвастаться поселенцы других колоний? Здесь начинаются расхождения.

Робертсон сформулировал упомянутые принципы следующим образом: «Привилегия выражать свои собственные мнения и привилегия управлять с помощью законов, составленных по собственному разумению». И пассажиры «Мэйфлауэра», и Робертсон подразумевали под «собственным мнением» собственное мнение о вере в бога. Таким

¹ «Bradford's History of Plymouth Plantation». Ed. by W. T. Davis. New York 1908, p. 107.

² W. R o b e r t s o n. The History of America, vol. III. London, 1821, p. 311.

образом, то были принципы, принадлежавшие определенной эпохе. Но вспомним, что Соглашение датировано 1620 г. Тогда и при сделанной поправке нельзя отнять у него прогрессивных начал. К тому же, по словам Робертсона, указанные им привилегии служили пилигримам «утешением среди опасностей и трудностей, выпавших на их долю»³.

Робертсон был историографом английского короля. Соглашение на «Мэйфлауэре» казалось ему примечательным, но не слишком важным событием в колонизации Западного полушария. Когда вышло первое издание его «Истории Америки», английские поселенцы выиграли битву при Саратоге (1777 г.), а через шесть лет Англия признала независимость восставших колоний. Еще через четыре года конгресс их представителей утвердил конституцию Соединенных Штатов. С этого времени американцы все чаще стали задумываться над тем, где им следует искать истоки своей национальной гражданской истории. Одним из них, нередко главным, признается Соглашение на «Мэйфлауэре».

Во время празднования 300-летия со дня прибытия пилигримов в Америку на торжественном заседании в г. Провиденсе профессор Джеймсон, директор департамента истории в Институте Карнеги (Вашингтон), закончил речь патетическими словами: «Таким образом, мы собрались здесь отметить зачатки американского самоуправления, первое проявление в Новом Свете духа добровольного объединения, духа подчинения большинству, духа демократии, который с тех пор завоевал континент... Поистине, не избранный ли мы народ? Я хочу, чтобы мы сделали всегдашней привычкой думать о своей собственной истории как о священной истории»⁴.

Как проявление «духа демократии» оценивал Соглашение противник бонапартистской диктатуры Наполеона III француз Э. Лабулэ. Он писал: «Духовный строй первых переселенцев был республиканский, и с самого начала их правительство стало республиканским»⁵.

Поклонник конституционных установлений, русский буржуазно-либеральный историк П. Мижув подчеркивал «принципиальную важность» Соглашения как опыта государственного устройства на демократической основе, еще неизвестного Европе 20-х годов XVII в. Участники этого опыта, замечал, правда, он, «были весьма далеки от мысли, что они делают что-либо, имеющее великое принципиальное значение: им казалось, что они удовлетворяют наиболее практическим образом свои ближайшие жизненные нужды и ничего более»⁶. Рассуждения Мижуева дополнил профессор А. Савин в своих лекциях 1907—1910 гг., дважды изданных в советское время: «И все же их скромная высадка 11 ноября 1620 г. у мыса Код открывает новый раздел в истории английской политической практики и теории. Во владениях английской короны, хотя бы за тысячу миль от носителя короны, открыто складывается церковная организация, которая по законам страны подлежит суровому преследованию; самим фактом своего существования она подрывает позицию государственной церкви, даже самый принцип полновластия государства в религиозной жизни»⁷.

Много лет спустя Д. К. Уинслоу, потомок семьи, один из членов которой участвовал в составлении Соглашения, писал: «Является ли Соглашение, как утверждают некоторые, исходной точкой американских демократических свобод, еще можно спорить. Одно очевидно: хотя в нем выражено уважение к власти английского короля, оно составлено без какого-либо официального разрешения и создало «гражданский политический организм». Таким образом, поселенцы присвоили себе в какой-то мере автономный статут еще до высадки на берег Новой Англии, и это раннее проявление независимости было впоследствии оценено их потомками как источник большинства их столкновений с правительством метрополии вплоть до революции. Соглашение, можно сказать с основанием, содержало в себе семя республиканизма»⁸.

Рассматриваемый вопрос затрагивался и в советской историографии. «Пуританская колония заняла самостоятельное положение относительно метрополии», — отме-

³ Ibid., p. 310.

⁴ J. J a m e s o n. The Arrival of the Pilgrims. Providence, 1920, p. 39.

⁵ Э. Л а б у л э. История Соединенных Штатов, т. 1. СПб., 1870, стр. 104.

⁶ П. М и ж у е в. История великой американской демократии. СПб. 1906, стр. 23.

⁷ А. С а в и н. Лекции по истории английской революции. М., 1937, стр. 77.

⁸ D. K. W i n s l o w. Mayflower Heritage. London, 1957, p. 37.

чено в труде «Английская буржуазная революция XVII века»⁹. «Выдвинутая в «Соглашении» идея суверенитета народа отразила прогрессивное для того времени стремление к буржуазному конституционному правлению», — говорится в «Очерках новой и новейшей истории США»¹⁰. Здесь к тому же обращается внимание на то, что Соглашение имело целью связать поселенцев «обязательством подчиняться воле руководителей предприятия»¹¹. А. Чанышев замечает в книге «Протестантизм», что, основав «первое жизнеспособное поселение» англичан в Америке, пассажиры «Мэйфлауэра» создали «зародыш будущих Соединенных Штатов»¹². А. В. Ефимов в обобщающем труде «США. Пути развития капитализма» делал следующий вывод: «Значение этого Соглашения состоит в том, что в нем в зародышевой форме содержится идея о суверенитете народа, о праве самого народа устанавливать власть, государственное правление. Это Соглашение было составлено под влиянием учений кальвинистов задолго до «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо и само могло повлиять на французского просветителя.

Но основатели Плимутской колонии, стремившиеся к капиталистической наживе, были далеки от признания подлинного суверенитета народа, от подлинной демократии, которая возможна только в обществе, где нет эксплуататоров и эксплуатируемых»¹³.

Из приведенных высказываний видно, что советские авторы, не отказываясь от традиционного подхода, давали (когда касались интересующего нас предмета более подробно) Соглашению классовую оценку.

Следует отметить, что некоторые американские историки отрицали «принципиальное значение» Соглашения¹⁴. Еще в начале века Э. Чаннинг утверждал: «Это Соглашение ни в коем случае не было конституцией независимого государства, как порой говорят. Оно было как раз обратным — соглашением англичан, которые, оказавшись на английской земле без каких-либо полномочий на управление, договорились управлять собой до определения королевской воли. О независимости не было и мысли, а установленное таким образом правление было, согласно обычному праву, законным для подписавших Соглашение. Давало ли это Соглашение подписавшим его право управлять другими английскими подданными, представляется весьма сомнительным»¹⁵. В комментариях к «Документам американской истории», изданным Г. Коммаджером, указывается, что «Соглашение составлялось не в качестве конституции, оно было распространением обычного церковного ковенанта на область гражданских отношений»¹⁶.

Сходные суждения можно встретить у некоторых других видных американских ученых, например, у Джеймса Адамса и Чарлза Эндрюса¹⁷. Джордж Уиллисон обращал особое внимание на стремление наиболее влиятельных и относительно имущих пассажиров «Мэйфлауэра», прежде всего владевших слугами, закрепить Соглашением свою власть над ними¹⁸. Но он и другие американские авторы, подвергавшие сомнению изначальную «конституционность» документа, тем не менее, как правило, подтверждали мысль о том, что в нем содержался «демократический элемент», который в ходе колониальной истории получил развитие и вылился в американскую конституцию.

Возможность для Соглашения стать отправной точкой развития демократии объясняется в американской истории различно: «благоразумием» и «здравым смыслом»

⁹ «Английская буржуазная революция XVII века». Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого, т. I. М., 1954, стр. 134.

¹⁰ «Очерки новой и новейшей истории США». Под ред. Г. Н. Севостьянова и др., т. I. М., 1960, стр. 15.

¹¹ Там же.

¹² А. Чанышев. Протестантизм. М., 1969, стр. 74.

¹³ А. Ефимов. США. Пути развития капитализма. М., 1969, стр. 311.

¹⁴ Американский историк Г. Осгуд, проявлявший особый интерес к государственным и общественным институтам колоний, даже не считал нужным упомянуть о Соглашении в своем труде. — H. L. Osgood. The American Colonies in the Seventeenth Century, vol. I. Gloucester, 1957, p. 109, 110.

¹⁵ E. C h a n n i n g. A History of the United States, vol. II. New York, 1932, p. 309.

¹⁶ «Documents of American History». Ed. by H. Commager. New York, 1945, p. 15.

¹⁷ J. T. A d a m s. The Founding of New England. Boston, 1922, p. 98; Ch. M. A n d r e w s. The Colonial Period of American History, vol. I. New Haven, 1937, p. 292.

¹⁸ G. F. W i l l i s o n. Saints and Strangers. New York, 1945, p. 144.

колонистов; присущей якобы только англосаксам способностью к самоуправлению¹⁹, наличием такой же способности у членов сепаратистской конгрегационалистской церкви, к которым принадлежала часть пассажиров «Мэйфлауэра»²⁰; социальной однородностью колонистов²¹; более или менее определенной констатацией буржуазного происхождения колонизации²².

Противоречивость при оценке исторического значения Соглашения на «Мэйфлауэре» вызывалась эволюцией исторических воззрений, несходством общественных и научных взглядов, а также в значительной мере — сосредоточением в очень небольшом событии (в нем участвовали даже не все пассажиры корабля, оно произошло в полной изоляции от остального мира) элементов очень сложных и важных социальных явлений того времени. Это мешало исследователям (большинство из них, описывая длительные периоды американской истории, естественно, могли уделить Соглашению на «Мэйфлауэре» очень немного места) уяснить всю значимость события, а порой, наоборот, создавало возможность некоторым из них делать слишком далеко идущие выводы.

Обратимся, однако, к самому документу. Выше, не считая опущенных подписей, он приведен полностью. Это представляется необходимым, поскольку нередко авторы, отвлекаясь от текста самого Соглашения, давали увлечь себя своим логическим построением или слишком доверчиво воспринимали суждения других авторов. Кроме того, на русском языке документ цитируется в немногих старых изданиях. К ним вряд ли обратится современный читатель. Архаичность языка, а иногда некоторая вольность перевода отвлекают от сути дела. Текст Соглашения приведен, правда, в примечаниях к труду В. Л. Паррингтона²³, но напечатанный пеститом и в конце книги он не может привлечь должного внимания.

Упоминание бога в первой же строке Соглашения, а также в ряде последующих в данном случае не следует рассматривать лишь как формальное подражание нормам тогдашнего официального языка. Половина пассажиров «Мэйфлауэра» считала себя «святыми», находившимися в непосредственном общении с богом, который в лице Христа искупил их грехи и тем дал возможность надеяться на «спасение». Кто были эти люди и что привело их на борт корабля?

Здесь нет места рассказывать всю их историю. Ограничимся главными фактами. Они принадлежали к протестантскому религиозному течению «сепаратистов», воспринявших с незначительными отклонениями учение Роберта Брауна (1550—1633), истолкованное на свой лад их духовным пастырем Джоном Робинсоном. Его последователи отвергали официальную англиканскую церковь как испорченную остатками католического «идолопоклонства», сохранением иерархической структуры и подчинением королю. Они расходились с другими английскими протестантами — пуританами, — считая противоречащими священному писанию их кальвинистские принципы построения церкви (пресвитеры, синод)²⁴. Они были убеждены, что объединение людей в церкви должно основываться только на общей вере. Такие церкви независимы от других, ни в коем случае не подчиняются государственной власти, не совместимы с какой-либо церковной иерархией (сепаратизм). Вхождение в церковную общину (конг-

¹⁹ J. J a m e s o n. Op. cit., p. 29.

²⁰ J. J a m e s o n. Op. cit., p. 30; Ch. M. A n d r e w s. Op. cit., p. 292; «Documents of American History», p. 15; F. M. G r e g g. The Founding of a Nation. The Story of the Pilgrim Fathers. Cleveland, 1915, p. 15.

²¹ Ch. M. A n d r e w s. Op. cit., vol. I, p. 274; F. M. G r e g g. Op. cit., p. 15—16; G. F. W i l l i s o n. Op. cit., p. 130. Вне связи с Соглашением эту однородность подчеркивал Осгуд. — Н. L. O s g o o d. Op. cit., p. 107.

²² J. T. A d a m s. Op. cit., p. 99; V. F. C a l v e r t o n. The Awakening America. New York, 1939, p. 57—69.

²³ В. Л. П а р р и н г т о н. Основные течения американской мысли, т. I. М., 1962, стр. 486.

²⁴ Вначале термин «пуритане» (чистые) охватывал всех английских протестантов, позже распавшихся на пресвитериан и сепаратистов (браунистов, индепендентов, конгрегационалистов). Ко времени Английской революции и в ходе ее религиозные разногласия приобрели политическую окраску: пресвитериане, индепенденты, левеллеры. В Америке в первый период колонизации сложились два основных протестантских течения: сепаратистов и пуритан, как их принято именовать в исторической литературе. При этом в новых условиях те и другие испытали некоторую эволюцию, в какой-то мере их сблизившую.

регация) совершенно добровольное и ограничено лишь заявлением о желании стать ее членом и признанием взаимного соглашения о вере (ковенант). Пастор, а также старейшина и дьякон избирались и смещались большинством голосов.

«Святые» происходили из тех слоев английского общества, положение которых ухудшалось по мере развития процесса первоначального накопления (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы). Это породило их сепаратизм — религиозную форму социального протеста. Он напоминал ту «ересь», о которой Ф. Энгельс писал: «Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ»²⁵.

Сказанное выше позволяет предположить, что сепаратизм и конгрегационализм в определенных условиях и в определенной мере могли содействовать развитию в среде «святых» демократических тенденций и идей самоуправления. Эти тенденции должны были стимулироваться многолетней эмигрантской жизнью, так как в Лейдене они вынуждены были сами устраивать свои внутренние дела. Противостоя материальным невзгодам и нападкам голландских кальвинистов, которые, как и английские пуритане, порицали их за сепаратизм, лейденцы, потеряв слабых и нестойких, духовно и организационно сплотились в своей церковной общине.

Все пассажиры «Мэйфлауэра» были знакомы с практикой английского муниципального самоуправления. Как ни держались лейденцы друг за друга, связанные общей судьбой, верой, нередко родством, долгая жизнь на чужбине грозила размыть общину, прервать всякие связи с Англией. Выход из затруднительного положения подсказало основание в Америке английской колонии Виргинии. Там «святые» вернули бы себе прежнее подданство и, будучи допущенными туда, покончили бы с жизнью изгнанников. При отдаленности страны они надеялись приобрести некоторую свободу действий. После длительных переговоров им разрешили обосноваться в новом заморском владении Англии. Правительство Якова I, стремясь закрепить его за собой и не располагая достаточным числом переселенцев, закрывало глаза на сепаратизм лейденцев.

В те времена статут колонизационных предприятий утверждался королевской хартией, в которой указывались границы предоставляемой территории и форма управления ею. При отплытии «Мэйфлауэра» компаньоны предприятия — субсидировавшие его купцы и будущие колонисты — такой хартии еще не имели. Они использовали патент купца Джона Пирса. Ему, как пайщику Виргинской компании, полагался по этому патенту участок земли в Америке. Сам Пирс туда не ехал. Но даже в том случае, если бы он оказался в числе колонистов, купец не смог бы вводить там порядки по своему усмотрению. Он являлся только одним из акционеров предприятия, дела которого, в соответствии с тогдашней практикой, решались собранием пайщиков. Но в отличие от обычной практики в данном случае пайщиками были подавляющее большинство будущих колонистов. Иначе говоря, они сами имели право голоса в решении вопросов, связанных с устройством поселения. Это право, несмотря на их незначительное материальное участие в деле, обеспечивалось позицией купцов, не только взявших на себя основные расходы в предвидении будущих барышей, но и стремившихся, следуя своим религиозным симпатиям, облегчить сепаратистам достижение их целей. Некоторая самостоятельность, достигнутая таким образом, а также надежда закрепить ее в стране, далекой от английских властей, являлись той приманкой, которая сделала из «святых» — пилигримов «Нового Ханаана».

Пунктом назначения «Мэйфлауэра» считалось устье Гудзона. Власть Виргинской компании, в юрисдикцию которой должно было войти предполагаемое поселение, на этот район Виргинии фактически не распространялась и оспаривалась голландцами. По крайней мере на некоторое время это давало колонистам известную свободу рук и независимость от ортодоксальных англикан, осевших южнее. Есть и прямые указания на стремление к такой независимости. В то время права на Северную Виргинию, кото-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 362.

регация) совершенно добровольное и ограничено лишь заявлением о желании стать ее членом и признанием взаимного соглашения о вере (ковенант). Пастор, а также старейшина и дьякон избирались и смещались большинством голосов.

«Святые» происходили из тех слоев английского общества, положение которых ухудшалось по мере развития процесса первоначального накопления (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы). Это породило их сепаратизм — религиозную форму социального протеста. Он напоминал ту «ересь», о которой Ф. Энгельс писал: «Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ»²⁵.

Сказанное выше позволяет предположить, что сепаратизм и конгрегационализм в определенных условиях и в определенной мере могли содействовать развитию в среде «святых» демократических тенденций и идей самоуправления. Эти тенденции должны были стимулироваться многолетней эмигрантской жизнью, так как в Лейдене они вынуждены были сами устраивать свои внутренние дела. Противостоя материальным невзгодам и нападкам голландских кальвинистов, которые, как и английские пуритане, порицали их за сепаратизм, лейденцы, потеряв слабых и нестойких, духовно и организационно сплотились в своей церковной общине.

Все пассажиры «Мэйфлауэра» были знакомы с практикой английского муниципального самоуправления. Как ни держались лейденцы друг за друга, связанные общей судьбой, верой, нередко родством, долгая жизнь на чужбине грозила размыть общину, прервать всякие связи с Англией. Выход из затруднительного положения подсказало основание в Америке английской колонии Виргинии. Там «святые» вернули бы себе прежнее подданство и, будучи допущенными туда, покоńczyли бы с жизнью изгнанников. При отдаленности страны они надеялись приобрести некоторую свободу действий. После длительных переговоров им разрешили обосноваться в новом заморском владении Англии. Правительство Якова I, стремясь закрепить его за собой и не располагая достаточным числом переселенцев, закрывало глаза на сепаратизм лейденцев.

В те времена статут колонизационных предприятий утверждался королевской хартией, в которой указывались границы предоставляемой территории и форма управления ею. При отплытии «Мэйфлауэра» компаньоны предприятия — субсидировавшие его купцы и будущие колонисты — такой хартии еще не имели. Они использовали патент купца Джона Пирса. Ему, как пайщику Виргинской компании, полагался по этому патенту участок земли в Америке. Сам Пирс туда не ехал. Но даже в том случае, если бы он оказался в числе колонистов, купец не смог бы вводить там порядки по своему усмотрению. Он являлся только одним из акционеров предприятия, дела которого, в соответствии с тогдашней практикой, решались собранием пайщиков. Но в отличие от обычной практики в данном случае пайщиками были подавляющее большинство будущих колонистов. Иначе говоря, они сами имели право голоса в решении вопросов, связанных с устройством поселения. Это право, несмотря на их незначительное материальное участие в деле, обеспечивалось позицией купцов, не только взявших на себя основные расходы в предвидении будущих барышей, но и стремившихся, следуя своим религиозным симпатиям, облегчить сепаратистам достижение их целей. Некоторая самостоятельность, достигнутая таким образом, а также надежда закрепить ее в стране, далекой от английских властей, являлись той приманкой, которая сделала из «святых» — пилигримов «Нового Ханаана».

Пунктом назначения «Мэйфлауэра» считалось устье Гудзона. Власть Виргинской компании, в юрисдикцию которой должно было войти предпологаемое поселение, на этот район Виргинии фактически не распространялась и оспаривалась голландцами. По крайней мере на некоторое время это давало колонистам известную свободу рук и независимость от ортодоксальных англикан, осевших южнее. Есть и прямые указания на стремление к такой независимости. В то время права на Северную Виргинию, кото-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 362.

рую уже называли Новой Англией, переходили в другие руки. Только задержка с утверждением хартии для ее нового хозяина — Совета Новой Англии помешала Пирсу и его компаньонам переменить патрона, к чему они готовились вплоть до отплытия «Мэйфлауэра». По причинам, которые остаются невыясненными, корабль пристал к берегу у мыса Код — много севернее устья Гудзона, т. е. на территории, отходившей Совету Новой Англии. Официальные права он получил на нее еще до прибытия «Мэйфлауэра» в Америку (3 ноября 1620 г.)²⁶. Иначе говоря, с патентом на землю, которой управляла Виргинская компания, колонисты оказались во владениях другого хозяина, еще не приступившего к управлению. Временное самоуправление делалось неизбежным.

В пути общее руководство, естественно, лежало на капитане — Кристофере Джонсе. Так как Робинсон остался в Лейдене, старшим среди его людей считался Джон Карвер, который от их лица вел дела с купцами. Остальными пассажирами, набранными дополнительно в Англии, в значительной мере управлял Кристофер Мартин — временный казначей экспедиции.

Что касается «святых», то кроме всех вышеуказанных обстоятельств, которые стимулировали или позволяли проявиться инициативе в деле самоуправления, они имели на этот счет и конкретные распоряжения. Незадолго до отплытия «Мэйфлауэра» из Англии их духовный пастырь и фактический руководитель отправил им из Лейдена 27 июля 1620 г. напутственное письмо-проповедь. Робинсон наставлял их избегать всяких ссор и конфликтов с «чужаками», которых они получили в попутчики и компаньоны и с которыми они составят единое «гражданское сообщество». Он умолял их до прочного обоснования на американской земле «не распатывать Дом бога», объединявший лейденцев, «ненужными новшествами». «Наконец, поскольку вы становитесь политическим организмом, осуществляющим гражданское самоуправление, и не имеете среди вас каких-либо особо выдающихся людей, из которых вы могли бы избрать правителя, проявите мудрость и благочестие, не только избирая для этой цели людей, проявляющих со всей очевидностью любовь и волю к достижению всеобщего блага, но и выказывая все необходимое уважение и подчинение их законному управлению; вы должны видеть в них не простую заурядность, а божественное указание к достижению всеобщего блага, чтобы не стать глупой толпой, которая больше уважает яркий наряд, чем добродетельный ум человека или чудесное предначертание Господа; вы ведь хорошо знаете, что образ божеской власти и авторитета, который воплощается в правителе, должен уважаться в ком бы то ни было»²⁷.

Цитируемое письмо подтверждает и без того достаточно очевидный факт, что вопрос о самоуправлении обсуждался и был решен лейденцами еще до их отъезда из Голландии. Это совпадало с достижением основных преследуемых целей: свободой их вероисповедания и заведением собственного хозяйства. Глубинный экономический стимул, сделавший этих англичан сепаратистами, ими не осознавался. Они отдавались своей вере бескорыстно, более того, — жертвенно, потеряв из-за нее родину, а некоторые и все свое имущество. Трудности эмиграции сделали экономический стимул, если не осознанным, то весьма ощутимым, почти равнозначным религиозному²⁸. «Святые» не могли достигнуть преследуемых целей в Англии, где их считали преступниками, нарушившими церковные и государственные законы (в частности, запрет покидать страну без санкции короля). В Голландии при наличии веротерпимости и личной свободы они, тем не менее, были чужестранцами, иноверцами, неустроенными и неполноправными горожанами (за некоторыми исключениями), нежелательными, маломогущими и неумелыми конкурентами. Жизнь на чужбине не давала уверенности в прочном будущем, столь необходимой для приобретения какой-либо специальности или ведения торговли (большинство «святых» были прежде сельскими жителями). Голландия

²⁶ Некоторые исследователи предполагают, что капитана подкупили голландцы; другие, что капитан сбился с курса; третьи, что существовал сговор между компаньонами Пирса и Советом Новой Англии.

²⁷ «Bradford's History», p. 84—86.

²⁸ В Америке, когда церковь «святых» станет свободной, а сами они заведут частное хозяйство, экономический стимул станет главенствующим, а религиозный — его покровом, каким он по существу все время являлся. Это позволит, в частности, ужиться «святых» с пилигримами, не принадлежавшими к их церкви, а потом с пуританами Массачусетса.

вот-вот могла вступить в войну с грозной Испанией, для которой сепаратисты были худшим видом еретиков. В Америке они искали «Новый Ханаан» — со своей верой, своей землей, своим управлением.

Да, свой «Новый Ханаан». Но если вспомнить последнюю фразу из письма Робинсона и текст Соглашения, то нетрудно убедиться в том, что лейденцы (не говоря уже о «чужаках») не предполагали отвергать власть короля и объявлять о своей независимости. Именно желание вновь связать себя с родиной привело их в отдаленные, но английские владения. Они не искали независимости, не подвергали сомнению «образ божеской власти и авторитета», воплощенный в «божьей милостью короле»²⁹. «Святые» не собирались рвать своего договора с кушцами, без помощи которых не покинули бы Европу и на помощь которых рассчитывали в дальнейшем. Америка сулила им достижение искомым целей без окончательного разрыва с Англией, без ослушания «чудесного указания господ».

Они прибыли в Америку. Их корабль стоял у мыса Код. Что могло помешать исполнению задуманного? Нежелание «чужаков» согласиться на предлагаемую форму правления. Такая угроза была реальной.

Еще перед отплытием из Англии отношения между «святыми» и «чужаками» оказались испорченными. Последних купцы включили в состав экспедиции, желая увеличить число колонистов, труд которых должен был обеспечить доходность предприятия. Это разрушало замыслы лейденцев: «Новому Ханаану» пришлось бы начинать жизнь с религиозных распрей. Они возникли с первой встречи. «Чужаки» в большинстве своем принадлежали к англиканской церкви, некоторые, вероятно, были пуританами (к ним относят Кристофера Мартина), один, как предполагается, — католиком (Майлз Стэндиш). Все они считали лейденцев «раскольниками». Беззащитность «святых», находившихся в Англии на полулегальном положении, давала их противникам возможность помыкать ими. Взаимная неприязнь питалась также финансовыми трудностями. Мартин, претендовавший на роль общего руководителя, вызывал у лейденцев раздражение своей кичливой грубостью при плохом исполнении прямых обязанностей.

В море единоначалие капитана корабля, напутственные слова Робинсона своей пастве, а также опасности и невзгоды, равные для всех, могли притушить взаимное недовольство, даже сблизить некоторых, до того враждовавших. Если это и случилось, то тем не менее не обеспечило единства и мира. Летописец Нового Плимута Уильям Брэдфорд, рассказывая о Соглашении на «Мэйфлауэре», объяснял, что его необходимость вызывалась «частично недовольством и мятежными речами, которые вели некоторые чужаки, а именно, что, когда они сойдут на берег, будут вести себя как захотят из-за отсутствия какой-либо власти для управления ими, так как они имели патент для Виргинии, а не для Новой Англии, принадлежавшей другому хозяину, к которому Виргиния не имела никакого отношения. А частично потому, что заключенное ими самими такое соглашение... могло быть прочным как обусловленное патентом, а в некоторых отношениях еще и более прочным»³⁰.

К моменту подписания Соглашения на «Мэйфлауэре» находилось 104 пассажира. «Святые» составляли немногим более одной трети: 41 человек (17 мужчин, 10 женщин, 14 детей — двое родились в пути). «Чужаков» было 40 человек (17 мужчин, 9 женщин, 14 детей). Остальные 23 пассажира не принадлежали к числу собственно колонистов: 5 специалистов (бочар и четыре моряка), нанятые кушцами для нужд всей колонии на ограниченное время и за определенную плату, и 17 «слуг»³¹ (18-й, У. Баттен, умер в пути).

²⁹ Добавим, что в «Лейденском соглашении» с Виргинской компанией (1617 г.) эмигранты безоговорочно признавали светскую власть английского короля, что они отказались от предложения «Новой Нидерландской компании» создать с ее помощью поселение в устье реки Гудзон. — «Documents of American History», p. 14—15; «Bradford's History», p. 46—67.

³⁰ «Bradford's History», p. 106.

³¹ «Слуги» (servants) — термин условный. В рассматриваемое нами время так назывались не только личные домашние слуги, но и законтрактованные работники, предназначенные для тяжелого физического труда. В течение семи лет (обычный срок контракта) они находились в полном распоряжении и подчинении своих хозяев, получая за свой труд лишь одежду и пищу, на чем, особенно в условиях колонии, хозяева, естественно, экономили.

Среди лейденцев «бунтовщиков» не было (мятежные речи «вели некоторые чужаки»). Сомнительно, чтобы ими могли стать наемные специалисты. Они ехали за заработком, которого лишились бы при распаде колонии. Они не предполагали оставаться в ней больше года. Из 17 слуг шестеро были подростки и одна женщина. Судя по всему, слуги «святых», составлявшие большинство в этой категории пассажиров (13), были обращены лейденцами в свою веру, по крайней мере нанимались из людей сочувствовавших и собиравшихся по окончании срока контракта остаться в колонии. Некоторые были чуть ли не на положении членов семьи. Таким образом, из слуг потенциальными «мятежниками» наиболее вероятно считать только четверых, принадлежавших «чужакам». При этом нельзя забывать, что люди, только что закончившие кров, питание и одежду, пусть плохие, имели не так уж много оснований для бурного возмущения. Они согласились на кабальные условия контрактов, надеясь через семь лет обрести свободу и обзавестись в Америке землей и хозяйством. В Англии они их не имели или лишились, за что их же преследовали и наказывали как «бродяг» и «ленгтев»³². Вряд ли в этих условиях именно слуги стали зачинщиками «мятежа», участие в котором грозило им впоследствии жестокими наказаниями и лишало всякой надежды вернуться в среду добропорядочных англичан, на что они рассчитывали, отправляясь за океан³³.

Возможное недовольство слуг, будь то их положением, будь то обращением с ними хозяев, могло, разумеется, находить выход в «мятежных речах». Однако главными «мятежниками» следует скорее всего считать собственно «чужаков» и, может быть, тех из них, которые владели слугами. «Мятеж» направлялся против «святых». Вернее, против явной претензии их руководителей (Карвер, Брэдфорд, Брюстер) на главенство среди колонистов, против несомненного намерения этих руководителей осуществить свой план организации поселения.

Недовольство не вышло за пределы «мятежных речей». Мenee одного дня оказалось достаточным, чтобы 41 человек³⁴ поставили под Соглашением свои подписи: 17 «святых», 17 «чужаков», 3 наемных специалиста и 4 слуг (двое — «чужака» Гопкинса и двое — «святых» Карвера и Уинслоу), как можно полагать, все мужчины, достигшие 21 года, который считался годом совершеннолетия³⁵. Что же, кроме положительного и весьма относительного большинства из общего числа мужчин (наемные специалисты, двое слуг), помогло лейденцам одержать верх?

Они составляли организованную и духовно спаянную силу, твердо знали, чего хотели. Этого нельзя сказать о «чужаках». Претендовавший на лидерство Мартин дискредитировал себя. Руководители «святых», исполняя наставление Робинсона, привыкшие к пропаганде своих взглядов, проявлявшие «христианское милосердие» к своим болевшим спутникам, поддерживаемые всей церковной общиной сепаратистов, относительно более образованные, не могли не пользоваться авторитетом. Он рос с падением престижа Мартина.

Всех пассажиров «Мэйфлауэра» связывал договор с купцами, без помощи которых колония не могла существовать, по крайней мере первое время. Капитан, несомненно,

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 408; т. 23, стр. 725—773; см. также: «Английская буржуазная революция XVII века», т. 1, гл. 1.

³³ Из четырех упомянутых выше потенциальных «мятежников»-слуг один умер в год приезда; второй — в 1621 г., третий, недовольный жизнью в Новом Плимуте, как только кончился срок контракта, уехал в Виргинию, четвертый остался плимутским колонистом. Из 17 слуг (сервентов), сошедших с «Мэйфлауэра» на американскую землю, в течение 1620—1621 гг. умерло 11 человек. Вообще из 362 колонистов, приехавших в Новый Плимут до 1630 г., когда прибыли последние из тех, кого причисляют к пилигримам, сервентов насчитывалось максимально 50 человек. Это в том случае, если считать таковыми большинство или всех пассажиров «Талбота» (1629 г.), как это делает, например, Уиллисон. — G. F. Willison. Op. cit., p. 451. В «Истории» Брэдфорда о них сказано: «Мы послали вам несколько сервентов», «число пассажиров 35 человек». — «Bradford's History», p. 245—246. Состав пассажиров «Хэйндмейда» (1630 г.) неизвестен.

³⁴ «Documents of American History», p. 16.

³⁵ Дата рождения двух моряков и остальных шести слуг-мужчин, чьих подписей нет, неизвестна. Весьма вероятно, что они не достигли 21 года.

делал все возможное, чтобы привезти в Англию благоприятный отчет об основанной колонии, а не известие о разбежавшейся мятежной толпе. Далеко не все «чужаки», вложившие в предприятие свои, пусть небольшие, средства, как правило, последние, располагали мужеством порвать с предприятием. Колонисты имели с собой очень скромный запас продовольствия и снаряжения, который до высадки на берег находился в руках капитана. На берегу их не ждал подготовленный кров, обработанные поля, друзья, на помощь которых они могли рассчитывать. Поселение можно было основать только общим трудом. Это предусматривал и договор с купцами: колонисты должны были работать все вместе и пользоваться из общих запасов, привезенных и скопленных в результате освоения занятой территории. Один или даже несколько человек, решившие отделиться от остальных, в незнакомой стране, среди девственной суровой природы, при наступавшей зиме, возможном нападении индейцев, усталости от путешествия и недостатке припасов, шли бы на смертельный риск. На руках у многих были женщины и дети, составлявшие половину всех колонистов. «Здравый смысл» играл на руку лейденцам. К тому же они предложили заключить Соглашение, которое формально никого не ущемляло. К его подписанию привлекли даже слуг, что было немалым новшеством в тогдашней практике взаимоотношений с ними.

«После этого, — как о само собой разумеющемся писал Брэдфорд, — они избрали, а скорее утвердили мистера Джона Карвера (человека набожного и уважаемого ими) своим правителем на текущий год»³⁶.

Слова «скорее утвердили» укрепляют предположение, что «святые» заранее готовили почву для заключения Соглашения, текст которого, несомненно, составили их руководители, положив в основу письмо Робинсона. Избранием Карвера они утвердили преимущественное влияние среди пилигримов и осуществили свой план создания колонии с внутренним самоуправлением.

Ничто не говорит о том, что Соглашение имело своей исключительной целью, как считает А. С. Самойло, «подчинить недовольных своим положением кабальных слуг господствующей группе поселенцев»³⁷. Более того, против обыкновения тех лет и английской юридической практики, слуг призвали стать участниками утверждения чрезвычайно важного документа. Поэтому истина, как представляется, лежит глубже. При всей конкретности и даже «случайности» Соглашения, при том, что пилигримы, заключая его, «были весьма далеки от мысли, что они делают что-либо, имеющее великое принципиальное значение», при том, что они стремились лишь удовлетворить «свои ближайшие жизненные нужды и ничего более», Соглашение было очень емким. Оно включало «ближайшие нужды», цели, запланированные лейденцами ранее, а также те задачи, которые диктовались объективными условиями общественной жизни, продуктом которых и участниками которой были все пилигримы. Часть этих общих целей могла осознаваться, могла представляться смутно, могла не осознаваться или восприниматься в искаженном виде, обусловленном мировоззрением данных людей.

«Святые» составляли независимую конгрегационалистскую церковь, стоявшую на левом фланге английской реформации. Но они находились достаточно далеко от той «ереси», о которой говорилось в цитированном отрывке из «Крестьянской войны в Германии» Ф. Энгельса. Несмотря на все испытанные лишения и гонения, лейденцы были умеренными сепаратистами. В сознании «чужаков» не было и следов «еретических» идей. Те и другие считали подневольное положение слуг вполне нормальным и, кто мог, имел их еще в Голландии и в Англии. Участие слуг в подписании Соглашения не предполагало и не рассматривалось ни ими самими, ни их хозяевами как изменение существовавших между ними отношений. В ином случае это, несомненно, нашло бы какое-то отражение в документе, являясь мерой слишком значительной и радикальной, идущей вразрез с английскими законами. Наоборот, в документе словами о «верноподданности» английскому королю подтверждались автоматически владение слугами, власть над ними, возможность их почти рабской эксплуатации, обязанность подписавшего контракт — под страхом жестоких наказаний — выполнять его условия. Не случайно юридический статус слуг в Новом Плимуте оставался в принципе неиз-

³⁶ «Bradford's History», p. 107.

³⁷ А. С а м о й л о. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М., 1968, стр. 106.

менным и базировался на условиях контрактов, заключенных еще в Англии] или повторяющих английские образцы. Обстановка колонии придавала уже наложенным краскам лишь специфические оттенки.

Слуг призвали подписать соглашение не как равноправных колонистов и не для того, чтобы чем-то специально обременить. Их связывали круговой порукой при учреждаемом самоуправлении, обязывали подчиняться будущим местным законам — на время контракта и по истечении его действия. Ведь освободившись, слуги формально приобретали все права подданных английского короля наравне с другими колонистами, а, следовательно, в каких-то случаях теоретически могли апеллировать к английским законам, если местные в чем-то с английскими расходились, ущемляли чьи-то права. В то же время, что не менее важно, подписывая Соглашение, слуги как бы утверждали для себя и других слуг право по истечении срока контракта стать полноправными колонистами и претендовать на льготы местного законодательства. Другое дело, что ни английские, ни местные условия почти не давали освободившимся слугам возможности воспользоваться своими формальными правами.

Остается прокомментировать те утверждения, которые связывают Соглашение на «Мэйфлауэре» с особенностями американского государственного строя, установленного после завоевания независимости.

Начнем с упоминания о том, что Новый Плимут не являлся в собственном смысле этого слова пуританской колонией, как пишут некоторые историки. Он не был и «первым жизнеспособным поселением» англичан в Америке. Когда «Мэйфлауэр» подошел к мысу Код, виргинская колония насчитывала уже более 10 лет и существование ее далее не прерывалось. Был ли Новый Плимут, как считал автор приведенных слов, «зародышем» Соединенных Штатов? Да. Но им являлась и Виргиния (1606 г.) и более поздний Массачусетс (1629 г.). Каждая из бывших колоний находит в своей ранней истории что-то, что дает ей право считать себя таким «зародышем».

О специфических обстоятельствах, связанных с появлением Соглашения, говорилось выше. Они, кроме прочего, обусловили как подписание его слугами, так и четко выраженное признание власти короля. Характерными особенностями колонизации Виргинии являлось учреждение Генеральной ассамблеи и внедрение рабства негров, а своеобразие Массачусетса заключалось в религиозной нетерпимости и относительной самостоятельности по отношению к метрополии. И все же все названные колонии были порождены единым всеобъемлющим процессом — развитием в Англии буржуазных отношений. Виргинские «джентльмены», пилигримы Нового Плимута и пуритане Массачусетса стали таковыми в ходе этого процесса. При их непосредственном участии этот процесс продолжался в Америке. История США, как писал Ф. Энгельс, «начинается при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества»³⁸.

Сделав эти предварительные замечания, можно подойти к решению вопроса о том, насколько Новый Плимут можно считать «зародышем» Соединенных Штатов, а точнее, Соглашение на «Мэйфлауэре» — «зародышем» американской конституции. Если говорить о прямой связи, то их соединяет нить длиной более чем в 150 лет, но несколько не толще той, которая, будучи длиннее на год, связывает конституцию с виргинской Генеральной ассамблеей (1619 г.) или некоторыми другими установлениями раннего колониального периода. Соглашение на «Мэйфлауэре» и американскую конституцию, отстоящие во времени далеко друг от друга, объединяет то, что они порождены одним и тем же процессом буржуазного развития. Остальное зависело от степени развития этого общества и конкретных обстоятельств появления документов.

Если признать это, то отпадают многие трудности, возникающие у тех, кто ищет чуть ли не буквального сходства в тексте этих документов, кто старается во что бы то ни стало найти четкую классовую направленность Соглашения, и у тех, кто пытается уклониться от констатации незримого присутствия такой направленности. В Соглашении на «Мэйфлауэре», в Виргинской ассамблее или «Массачусетском кодексе свободы», скрыто или открыто, содержались в зачаточном состоянии те противоречия, которые, исторически обусловленные, существуют в буржуазном обществе: демократия и эксплуатация, вместе составляющие буржуазную демократию — демократию

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 347.

для буржуазии. В Соглашении это нашло свое отражение в праве четырех слуг подписать его, но в лишении всех слуг права участвовать в работе законодательного органа колонии — Общего собрания. В неизмеримо большей пропорции те же противоречия проступают в американской конституции.

Почему же стало традицией выделять в качестве «зародыша» Соединенных Штатов прежде всего Соглашение на «Мэйфлауэре»? Не потому, что оно было первым общественным установлением колонистов. Но потому, что в Соглашении нашли отражение складывавшиеся элементы прогрессивного для того времени буржуазного общества, еще, правда, далеко не ставшие для пилигримов «идеями суверенитета народа», «идеями о праве самого народа устанавливать власть, государственное управление», «идеями республиканизма и государственной независимости». Главным же образом под влиянием американской историографии. Целый ряд «случайностей», а точнее, обстоятельств, — определенный состав пассажиров «Мэйфлауэра», прибытие корабля к мысу Код и другие — придали заключенному на нем Соглашению вид, наиболее подходящий для того, чтобы истолковать его как первый опыт «американской демократии». Как мы помним, не предполагавший о появлении такого термина Робертсон характеризовал Соглашение как «принципы человеческого благоразумия». После появления этого термина в зависимости от отношения к скрывавшемуся в нем содержанию авторы выводили из Соглашения или американские демократические институты, или узаконение эксплуатации трудящихся. На деле зачатки того и другого содержались в нем неразделимо и существовали не потому, что они были американскими, а потому, что были буржуазными, отражали, хотя еще далеко неполно, принципы новых буржуазных отношений.